

«Я хочу, чтобы
моя работа была связана
с самыми глобальными темами: жизнью,
смертью, страхом, сексом
и любовью», —

РАШИД ДЖОНСОН

Фото: Мартин Парсекян

Рашид ДЖОНСОН родился в 1977 году в пригороде Чикаго. Его мать — профессор истории Африки, отец — владелец небольшой компании, специализировавшейся на электронике и радиосвязи.

«Я вырос между лабораторией отца и библиотекой матери», — как-то заметил Джонсон. С тех пор эти противоположные взгляды на жизнь постоянно оказывают на него влияние.

*) "Rashid Johnson: In the Studio with Christopher Stackhouse", *Art in America*, April 2012

**) "Five Questions: Brooklyn-based visual artist Rashid Johnson", Ange-Aimée Woods, *Colorado Public Radio*, February 2014

Рашид Джонсон. Плато. 2014
Сталь, распыляемая краска, растения, керамика, бетон, пластик, латуны, обгоревшее дерево, фитолампы, коротковолновое радио, масло дерева ши, новоры, книги. 579,1 x 457,2 x 457,2 см.
Вид инсталляции на выставке Рашида Джонсона «Острова» в David Kordansky Gallery, Лос-Анджелес, 2014. Courtesy автор, David Kordansky Gallery и Hauser & Wirth.
© Rashid Johnson

В 1996 году, будучи всего лишь 19-летним студентом последнего курса и занимаясь фотографией, Джонсон отнес свое портфолио в чикагскую Schneider Gallery для выставки «Новые художники, старые процессы». Теперь он считает этот шаг одновременно и наивным, и дерзким. Тем не менее его уверенность в себе принесла плоды, и ему предложили провести персональную выставку в галерее, что привлекло внимание к его работам, в которых экспериментальный идеализм сочетался с традиционными техниками, а история искусства переплеталась с политикой, литературой и популярной культурой.

В мае 2001 года состоялся нью-йоркский дебют Джонсона —

на организованной в Музее-студии в Гарлеме коллективной выставке «Фристайл», куратором которой была Тельма Голден. Однако его первая персональная выставка в Нью-Йорке состоялась только в 2008 году, спустя три года после его переезда, в Nicole Klagsbrun Gallery. С тех пор Джонсон совершил невероятный прорыв, подписав договор с одной из самых влиятельных галерей Hauser & Wirth и представив выставки в крупнейших музеях и галереях мира, включая участие в основном проекте 54-й Венецианской биеннале (2011), обзорную выставку в Музее современного искусства в Чикаго (2012), крупную выставку в Галерее Южного Лондона (2012), в Коллекции Джорджа

Эконому в Афинах (2014) и совсем недавно — в Центре рисунка в Нью-Йорке, где были показаны его работы, сочетающие в себе скульптуру, инсталляцию, живопись, фотографию, видео и звук. Критики часто называют Джонсона представителем «постчерного искусства», на что он отвечает: «Я не уверен, что значит "постчерное" искусство, особенно если учесть, что сам я остаюсь чернокожим»**.

Главный куратор Музея современного искусства «Гараж» Кейт ФАУЛ побеседовала с Рашидом ДЖОНСОНОМ в его нью-йоркской квартире во время подготовки к проекту в «Гараже», для которого он работает над своим самым крупным произведением.

«Если бы
Патрис
ЛУМУМБА
проходил
психотерапию,
как бы
выглядела
его
кушетка?»

Рашид Джонсон. *Привет*. 2012
Вид инсталляции в Галерее Южного Лондона, Лондон, 2012
Фото: Энди Пик
Courtesy автор и Hauser & Wirth. © Rashid Johnson

«Важные вопросы в мире и в нашей жизни можно передать, и они будут поняты, ведь чувство страха универсально, как и тревога»

Кейт Фаул: Вести беседу в вашей библиотеке, а не в мастерской, очень интересно. Я вижу, что у вас среди прочего неплохая коллекция книг, журналов и предметов искусства. Это логично, ведь в ваших работах часто встречается нагромождение объектов и публикаций. Откуда возникло это стремление к коллекционированию?

Рашид Джонсон: У меня «коллекционерская лихорадка» в легкой форме. Когда я чем-то заинтересован, то стараюсь понять, как можно увидеть разные экземпляры той или иной вещи. Например, в какой-то момент я собирал все выпуски журнала Jet начиная с недели моего рождения. Это журнал моды и развлечений, который появился в Чикаго и известен тем, что в нем велась хроника Движения за гражданские права чернокожих в США. Он издавался с 1951 по 2014 год, и найти все нужные мне выпуски было действительно непросто. Я также коллекционировал выпуски газеты Black Panther начиная с 1960-х годов. Некоторые из них достать не так-то легко. Другое мое увлечение — журнал Transition, издававшийся в Африке с 1961 по 1976 год. Кроме того, у меня есть полное собрание выпусков журнала по теории искусства October. Что я собираю сейчас? С недавних пор это определенная модель кроссовок.

КФ: Какая?

РД: В последнее время мне нравится модель Канье Уэста Yeezy, так как я думаю, насколько сложен и интересен характер Канье. Кроме того, я готовлю исследование о первой публикации книги Джеймса Болдуина «Записки сына Америки» (1955), которая играет важную для меня роль вот уже долгое время. Я стараюсь не превратиться в сумасшедшего барахольщика и не собирать слишком много, но для меня коллекционирование — отличный способ начать думать по-другому.

КФ: Во время наших разнообразных бесед вы говорили об опыте, связанном с узнаванием новых мест. Насколько

путешествия или выход за рамки привычной среды меняют ваше восприятие собственных работ? **РД:** Я никогда не путешествую с ожиданием, что это повлияет на мою работу, но удивительным образом так всегда и происходит. Когда художники говорят, что черпают вдохновение в своих снах или мечтах, это звучит ужасно безвкусно, но иногда это правда. Во время путешествий мы выходим за свои обычные рамки. К тому же, как однажды сказал Чак Клоуз, «вдохновение — для любителей, остальные просто делают свое дело».

КФ: Вы с этим не согласны?

РД: На самом деле согласен. Я считаю, что ежедневная работа дает нам возможность мечтать или просто смотреть и учиться. Путешествия в этом отношении играют очень важную роль. Каждый раз я возвращаюсь с огромным количеством идей. На островах Теркс и Кайкос я видел недостроенные здания, возвышающиеся среди тропического пейзажа. Эти места полны ожидания. Все должны были устремиться туда. Туда должны были приехать белые... Это должно было быть прекрасно. Но здания так никогда и не достроили. Не то чтобы их достроили и оставили постепенно разрушаться. Просто туда никто так и не приехал. Для меня это выглядело так, словно на этом месте воцарилась невероятная деформированная мечта. Я очень много думаю об этих противоречиях в связи с новой работой, которую я делаю для Москвы. Она будет одновременно и очень легкой, и невероятно статичной и плотной.

КФ: Что впечатлило вас больше всего во время первой поездки в Москву в 2015 году?

РД: Настроение города и то, какими неожиданными оказались некоторые вещи. Например, масштаб и ощущение его верности. В том, как был построен город, есть удивительная визуальная доступность. Я до сих пор пытаюсь разобраться со своими впечатлениями от Москвы, но уверен, что со временем они выльются во что-то очень интересное.

КФ: Работа, которую вы готовите для «Гаража», — заказ музея для конкретного пространства внутри здания. Сильно ли

отличается ваша работа над такими проектами от подготовки к выставкам — например, той, что вы делали в Галерее Южного Лондона несколько лет назад? **РД:** Я рассматриваю каждую выставку как отдельный заказ и реагирую на пространство, в котором она будет проходить. Я вижу художника в качестве золотой рыбки. Рыбок помещают в разные аквариумы, и они должны понять, как вырасти в новом пространстве, так как окружающая среда влияет на их размер. Я думаю о новом пространстве, об окружающем контексте и о том, что я должен сказать в этом конкретном месте и что в нем может быть услышано.

КФ: Выставка в Галерее Южного Лондона была одним из самых крупных ваших проектов за пределами США. Наверное, она ощущалась, как совсем другой аквариум.

РД: Да. Галерея находится на юге Лондона, где живет очень много иммигрантов, которые пытаются найти собственное место в новой стране. Выставка проходила вскоре после мятежей, спровоцированных смертью Марка Даггана (29-летний чернокожий лондонец Марк Дагган, подозревавшийся в торговле наркотиками, ношении оружия и членстве в организованной преступной группировке, был застрелен в августе 2011 года при попытке его ареста, что привело к массовым волнениям. — GARAGE). То, что я находился в городе в это беспокойное время, сильно на меня повлияло. На контрасте я отправился в Музей Джеффри в Шордиче, очень эксцентричное место, которое посвящено истории интерьерного дизайна в Англии. Учитывая все, что происходило вокруг, я постоянно думал о «курсе лечения», о психотерапии, и мне захотелось создать психотерапевтические кушетки. Когда я начал работать над выставкой, мне в голову пришел нелепый вопрос: «Если бы Патрис Лумумба проходил психотерапию, как бы выглядела его кушетка?»

КФ: Я часто думаю о том, как вам удастся отстоять ключевые отсылки в работах, которые связаны с афроамериканской культурой и историей и которые обязательно будут поняты в определенном географическом контексте. Размышляя о Патрисе Лумумбе, вы расширяете область этих отсылок.

Рашид Джонсон. *Безымянный тревожный человек*. 2015
Белая керамическая плитка, черное мыло, воск.
99,1 × 66 × 5,1 см

РД: Это была одна из выставок, во время подготовки которой мой художественный язык эволюционировал, так как я осознал, что мой взгляд афроамериканца не всегда понятен в других местах и контекстах. С другой стороны, важно не забывать о способности людей понимать разные вещи. Если вы даете им средства и возможности, они всё поймут на своих условиях. Важные вопросы в мире и в нашей жизни можно передать, и они будут поняты, ведь чувство страха универсально, как и тревога.

КФ: В последние годы вы перешли от создания того, что можно назвать отдельными работами или сериями, к инсталляциям. Первой из них была инсталляция «Плато», которую вы сделали для нового пространства Дэвида Кордански в Лос-Анджелесе

скульптуре каждый мог найти свое применение (хотя большинство не воспринимало их так прямолинейно). Я находился на той стадии, когда мне хотелось, чтобы у работы было как можно больше функций. Когда я начал заниматься последними работами, то больше думал о том, что каждая из них может быть подобием мозга, а не системой доставки. Они стали философским исследованием психики создающего их автора. Однако в то же время они позволяют зрителям окунуться в собственные психологические интерпретации.

КФ: Сейчас вы трудитесь над работой для музея «Гараж», которая представляет собой частично скульптуру, частично инсталляцию. Она будет стоять в огромном атриуме. То есть ее не будут сдерживать стены, и люди смогут заходить в эту созданную вами возвышающуюся структуру. **РД:** Это пространство даст мне множество возможностей научиться видеть свое искусство другими глазами. Работать с незнакомым пространством — это всегда волнующий процесс. Кроме того, будет интересно посмотреть, как в нем будут функционировать мои художественные методы, что будет иметь эффект и что будет считываться зрителями. Я хочу, чтобы моя работа была связана с самыми глобальными темами: жизнью, смертью, страхом, сексом и любовью, — и если я все правильно делаю, то эти темы будут очевидны. Скоро увидим.

Работа Рашида ДЖОНСОНА «В НАШЕМ ДВОРЕ» будет экспонироваться с 17 марта по 31 августа 2016 года в атриуме Музея современного искусства «Гараж». Это будет похожая на лабиринт решетчатая структура с особой экосистемой, в основе которой — тропические растения, отобранные художником совместно со специалистами Московского ботанического сада.

Вид инсталляции на выставке Рашида Джонсона «Тревожные люди» в Центре рисунка, Нью-Йорк, 2015
Фото: Андрес Рамирес
Courtesy автор и Hauser & Wirth. © Rashid Johnson